

Религиоведение. 2023. № 3. С. 118–128.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 3. P. 118–128.

DOI: 10.22250/20728662_2023_3_118

**Аринин Е.И.¹, Лютаева М.С.²,
Маркова Н.М.³, Петросян Д.И.⁴**

^{1,2,3,4} Владимирский государственный университет
⁴ Владимирский филиал РАНХиГС
^{1,2,3,4} Россия, г. Владимир

¹ earinin@mail.ru; ² liutaeva@yandex.ru; ³ natmarkova@list.ru; ⁴ ilyich87@yandex.ru

Религиозность и медицина: комплаенс между образами медиа и рациональностью

Аннотация. Статья представляет результаты исследования оснований и перспектив достижения комплаенса между религиозностью студенческой молодежи и её отношением к рациональному поддержанию своего здоровья. Авторы анализируют пути синтеза классической философско-теологической «модели Платона», предлагающей различать в нас «разумную», «деятельную» и «увлекающуюся» способности, нуждающиеся в конструктивном и социально приемлемом согласии ради достижения «блага», и антропологической «модели Малиновского», описавшей сосуществование обычно дистанцируемых «магии-религии-науки». Феномен здоровья понимается как состояние физического, интеллектуального и психологического благополучия, выступающего в специфических исторических формах как подлинный идеал «полноты бытия» на всех этапах формирования вида Homo Sapiens, противопоставляясь, как «добро», болезни – страданиям и «злу». Такое разграничение исторически формировалось через становление субкультур «верующих» («религиозных»), «неверующих» («нерелигиозных») и «сомневающихся» («ищущих подлинную веру»), которые могли иметь вернакулярный («народный») характер или приобретать институционально-правовые формы. Авторы считают необходимым переосмыслить ряд сложившихся культурных и социальных стереотипов, сегодня часто тиражируемых массмедиа, сочетая накопленный позитивный опыт и конструктивные аспекты бытия в мире ради сохранения и укрепления физического и душевного здоровья граждан. Опрос студентов показал, что, хотя около половины из них не готовы обращаться к врачу в случае недомогания и предпочитают лечиться сами, уповать на помощь высших сил готово около 5% опрошенных, т.е. не все студенты, назвавшие себя «верующими», готовы отдать своё здоровье в руки божественной силы.

Ключевые слова: студенческая молодежь, комплаенс, религиозность, поддержание здоровья, медицина, наука, магия, религия

**Evgeny I. Arinin¹, Maria S. Lyutaeva²,
Natalia M. Markova³, Dmitry I. Petrosyan⁴**

^{1,2,3,4} Vladimir State University; ⁴ Vladimir Branch of RANEP
^{1,2,3,4} Vladimir, Russia

¹ earinin@mail.ru; ² liutaeva@yandex.ru; ³ natmarkova@list.ru; ⁴ ilyich87@yandex.ru

Religiosity and Medicine: Compliance Between Images of Media and Rationality

Abstract. The article presents the results of a study of the grounds and possibilities for achieving compliance between the religiosity of student youth and their attitude to the rational maintenance of their health. The authors analyze the ways of synthesis of the classical philosophical and theological “Plato’s model”, which proposes to distinguish in us “reasonable”, “active” and “enthusiastic” abilities that need constructive and socially acceptable consent in order to achieve “good”. On the other hand, there is the anthropological “Malinowski’s model”, which described the coexistence of the usually distanced “magic-religion-science”. The phenomenon of health is understood as a state of physical, intellectual and psychological well-being, acting in specific historical forms as a true ideal of “fullness of being” at all stages of the formation of the Homo Sapiens species, contrasting, as “good”, with its alternative, i.e. sickness as suffering and “evil”. Such distinctions and distancing historically formed through

Е.И. Аринин

М.С. Лютаева

Н.М. Маркова

Д.И. Петросян

as a state of physical, intellectual and psychological well-being, acting in specific historical forms as a true ideal of “fullness of being” at all stages of the formation of the Homo Sapiens species, contrasting, as “good”, with its alternative, i.e. sickness as suffering and “evil”. Such distinctions and distancing historically formed through

the formation of subcultures of “believers” (“religious”), “non-believers” (“non-religious”) and “doubters” (“seekers for genuine faith”), which could have a vernacular (“folk”) character or acquire institutional and legal forms. It is necessary to interpret a number of established cultural and social stereotypes that are often replicated by the mass media today, combining the accumulated positive experience and constructive aspects of being in the world for the sake of preserving and strengthening the physical and mental health of our fellow citizens. A survey of students showed that although about half of them are not ready to go to a doctor in case of illness, preferring to be treated themselves, but only about 5% of the respondents are ready to rely on the help of higher powers, i.e. those who call themselves “believers” turn out to be “non-believers” in such practices.

Key words: students, compliance, religiosity, health maintenance, medicine, science, magic, religion

Введение

В конце XIX века целым рядом представителей естественных, гуманитарных и социальных наук, в т.ч. В.С. Соловьёвым в его известной концепции «всеединства», отмечалась необходимость поиска новых ответов на возникающие вызовы современности, среди которых выделялась необходимость выстраивания диалога между активно дистанцировавшимися в тот период религией и наукой. Последний предполагает обретение т.н. «комплаенса», т.е. баланса между религиозностью и рациональностью в отношениях с миром. Термин «комплаенс» только в XX веке эксплицитно вошёл в глобальную письменную культуру, обозначив область «соответствия требованиям», «согласного повиновения» и «отзывчивости» ради достижения оптимального соотношения между личным интересом и определёнными значимыми нормами сообщества (корпорации, социальной группы, конфессии и т.п.), когда личная и искренняя добросовестность становится опорой для этики солидарности, позволяя преодолевать многообразные кризисы и противостояния в разных областях жизни, что, как очевидно, имплицитно всегда присуще человеческой культуре.

Решение обозначенной проблемы стало сегодня юридической нормой для финансово-банковской сферы [Гармаев, Иванов, Маркунцов, 2020, 106–128]. Другие вопросы более 20 лет активно обсуждаются в медицинском сообществе [Ложкина, 2015, 75–81]. Наше исследование обращается к религиозноведческим аспектам данной проблематики, которые начинают привлекать внимание представителей гуманитарных и естественнонаучных направлений, включая медицину [Гальченко, Шерстнева, Лапик, 2021, 15–24]. Настоящая статья фокусируется на перспективах достижения «комплаенса» в вопросах охраны здоровья между нашими согражданами (студентами), которые сами себя относят к категориям «верующих» («религиозных»), «неверующих» («нерелигиозных») и «сомневающих» («ищущих подлинную веру»). Полученные результаты уже были частично представлены общественности [Петросян, Шадрин, 2022, 85–90]. Полностью они будут опубликованы в готовящейся монографии.

Результаты исследования

Студенты сегодня достаточно легко ориентируются в сфере религиозной самоидентификации, при этом высоко оценивая значимость собственного здоровья. Полностью согласен с тем, что его здоровье в полном порядке, почти каждый пятый из числа опрошенных (18,5%). Ещё около половины скорее согласны с этим, чем нет (41,3%). В той или иной мере не согласившиеся с высокой оценкой состояния своего здоровья составили в сумме 31,3% ответивших на вопрос (индекс оценки – плюс 0,19). Заметное влияние на самооценку состояния здоровья оказывает религиозное самоопределение студентов. Среди «верующих» соглашающихся с тем, что их здоровье в полном порядке, заметно больше, чем среди «сомневающих» и «неверующих» (индексы 0,32, 0,20 и 0,07 соответственно).

Стратегия поведения студентов в случае заболевания выстраивается следующим образом: 1) при первых признаках недомогания большинство не спешит сразу обращаться к врачу (индекс – минус 0,11), предпочитая лечиться своими силами (индекс – плюс 0,29), и только в том случае, если самостоятельное лечение не помогает, следует 2) обращение к врачу (плюс 0,59). Отношение к вере в данном случае не оказывает влияния на ответы студентов, при этом респонденты готовы прислушиваться к авторитетным для них предписаниям врачей и не соглашаются с интуитивным подходом к выбору лекарств: «Принимать лекарства нужно строго по

предписанию врача» – индекс плюс 0,62; «Принимать лекарства следует по интуиции и самочувствию» – индекс минус 0,33.

Одновременно студенты высказывают несогласие со всеми утверждениями, отражающими негативное отношение к лекарствам: «Принимать лекарства нужно в минимальном объёме» – минус 0,05; «Полезнее вообще не принимать лекарства» – минус 0,49; «Лекарства – это бизнес, обогащающий врачей и фарминдустрию, лучше лечиться домашними средствами» – минус 0,54. Наконец, с высказыванием такого рода, как «Следует не лечиться, а уповать на помощь Высших сил» согласно явное меньшинство студентов: полностью согласны – 3,1%, скорее согласны – 1,8% (индекс – минус 0,71). Столь же мала и доля студентов, согласных с тем, что болезнь – это наказание за грехи – 2,9% полностью согласных и 6,3% скорее согласных (индекс – минус 0,59). Даже среди «верующих», отвергающих подобное утверждение в 3,5 раза больше, чем согласных с ним (66,5% против 19,5%). «Неверующие» воспринимают такую установку ещё более негативно (минус 0,86 против минус 0,38 от индексов «верующих»), а «сомневающиеся» располагаются посередине (минус 0,54).

Подавляющее большинство студентов, вне зависимости от религиозного самоопределения, соглашались с тем, что «Болезнь – это естественное явление, вызванное вирусами или микроорганизмами»: общий индекс – плюс 0,71, «верующие» – плюс 0,68, «неверующие» – плюс 0,82, «сомневающиеся» – плюс 0,67. При этом «неверующие» всё же более открыто выражают неприятие негативного отношения к лекарственным средствам и к лечению вообще, проявляя в целом наиболее высокий уровень рациональности.

Исторические связи религиоведения и медицины

Сегодня религиозность и рациональность, представленные профессиональными сообществами и глобальной научной сферой социальной жизни, включающей медицину и экологию, принадлежат к дистанцируемым формам знаний о действительности, хотя одним из первых о связи «экологии культуры» и «экологии духа», близких к «экологии природы» и «экологии человека», стал ещё в 80-е годы XX века писать Д.С. Лихачев, подчёркивая, таким образом, значимость творческого развития культурной традиции для воспроизводства духовной преемственности поколений, необходимой для того, чтобы сохранять как культуру, так и природу [Лихачев, 1980, 10].

Эти идеи оказались близки в тот же период митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу, ставшему ныне патриархом, который в своём докладе «К экологии духа» (1989) отмечал, что разрушение природы нельзя остановить «без совместных усилий людей разных религий и идеологий», при этом указывая, что новым стало «всё возрастающее желание людей, не являющихся верующими, слышать голос Церкви» [Кирилл, http://krotov.info/libr_min/26_ae/koteol/eco_020.html]. За прошедшие годы эти проблемы многократно рассматривались в широкой перспективе комплексного и междисциплинарного подхода к пониманию гармоничного развития личности, невозможного без поддержания таких важных аспектов бытия человека в мироздании, как сохранение индивидуального здоровья и экологического равновесия в биосфере.

Данная тематика сотни тысяч лет интуитивно запечатлевались в представлениях о гармонии отношений человека и природы, воплощённых в соответствующих практиках, которые в последние 10 000 лет, когда сформировались урбанистические культуры, доминирующие в современном мире, стали фиксироваться в письменности и соответствующих специализированных концепциях «элиты» (экспертов), дистанцирующихся от т.н. «народных суеверий». Мы и сегодня не можем ещё достичь комплаенса экспертов в отношении к т.н. «народной медицине», поскольку, по данным социологов, до 30% наших сограждан могут лечиться «бабушкиными способами», игнорируя порой т.н. «официальный» сектор государственных медицинских услуг [Кандрычын, 2012, 137].

Религиоведение и медицина рассматриваются соавторами данного текста как системы определённых знаний и практик, которые, вслед за одним из классиков современной антропологии Б. Малиновским, можно квалифицировать как сосуществование «магии-религии-науки» (Magic, science and religion, 1925). Такое описание можно представить как особую модель социальной системы и личной иден-

тичности (далее – «модель Малиновского», «мМ»). Важно различать эксплицитное развитие данных терминов (слов, лексем) и их имплицитные концепты, в том числе, конструируемые современной наукой. Так, эксплицитно эти три слова (магия, религия, наука) входят в русский язык в разное время и с особыми коннотациями, начиная с праславянского «наукъ» (наоученье), через евангельское «магъ» (Симонъ магъ, XIII в.) и заканчивая периодом Северной войны, когда в текстах фиксируется лексема «религия» (XVIII в.). С позиций современного философского религиоведения и принципа актуализма можно выявить, в духе «мМ», имплицитное соприсутствие «магии-религии-науки» как трёх измерений человеческого бытия, которые эксплицитно могли различно именоваться в особые исторические эпохи, как, к примеру, новая кириллическая лексема «религия», которая, первоначально (с 1705 г.) обозначая европейские конфессии, постепенно вытеснила ранее использовавшееся слово «вѣра», фиксируемое с X века.

В таком контексте привычный сегодня термин «медицина» восходит к латинскому термину «ars medicina» («лечебное искусство», «искусство исцеления»), встречающемуся в текстах со II в. до н.э. и получившему широкое распространение в сочинениях Цицерона и его современников. Это словосочетание, в свою очередь, стало переводом древнегреческого выражения «ἰατρικὴ τέχνη» («врачебное искусство»), получившего известность благодаря работам Гиппократов и его учеников и маркировавшего профессиональную деятельность врачей и школ, связанных с храмами Асклепия [Карпов, 1936, 44].

Древнегреческое слово «ἰατρός», т.е. «врач», «целитель» (производное от глагола «ιατρέω», т.е. «лечить», «заботиться»), фиксируется уже у Гомера. При этом по мере того, как практика врачевания становится полноценной профессией, конкретизируется и её название – «ιατρία» и «ἰατρικὴ τέχνη», появляются эксперты (врачи), искусные не только в практиках исцеления, но и в риторике – умении убедительно описывать свои мысли и наблюдения [Дворецкий, 1958, 807-808]. В латинском языке сфера врачебной лексики концентрируется вокруг глагола *medico*, имевшего широкий спектр значений, начиная с обозначения ряда практик («смешивать», «приготавливать») и завершая антонимичной парой – «лечить» и «отравлять» [Дворецкий, 1976, 624].

Истоки медицины, современной культуре понимающейся как система научных знаний и практической деятельности, призванных укреплять и сохранять здоровье каждого члена общества, восходят, согласно археологическим данным, к началу формирования самого вида *Homo Sapiens* и его религиозности. В русском языке слово «врачевание» («врачество», «врачество») встречается с XI века, отражая сложившееся тогда понимание физического здоровья в единстве с религиозностью как причастностью к приходам княжеской «вѣры», ставшей тогда частью «Рах Christiana», где с «врачеванием» неразрывно связывалось «исповѣдание и отступление грѣха» [Словарь, 1976, 102–103]. В этом же столетии фиксируются слово «исцѣлени» [Словарь, 1979, 350–351]. С XV века отмечаются слова «лѣкаръ» и «лѣкарство» [Словарь, 1981, 202]. Только с XVII века фиксируется слово «медицина» [Словарь, 1982, 59]. В этом же столетии начинают использоваться слова «аптекар» и «дохтуры» [Словарь, 1981, 202].

В свою очередь, истоки религиоведения, а это слово эксплицитно существует только с начала XX века [1908 год], утвердившись сегодня в российских изданиях как обозначение «науки о религии», иногда могут имплицитно усматривать в идеях Аверроэса (1126–1198) и Акбара (1542–1606) [Шантепи-де-ля Соссей, 1899, 2]. Другие исследователи, как, к примеру, Н. Луман, видят в религии более глубокий антропологический феномен, понимаемый как дистинкцию привычного (знакомаго) и неизвестного, при этом собственно «магия» указывает на «близость незнакомаго» (*proximity of the unfamiliar*), выступая «формой обхождения» с неизвестным [Luhmann, 2013, 3–4].

Сегодня требуется определить пути достижения «комплаенса» между сообществами респондентов и экспертов, что позволит преодолевать общественное недоверие к учениям и практикам как некоторых религиозных сообществ, так и ряда медицинских институций, равно необходимых для поддержания здоровья как в ме-

дицинском его понимании, так и философско-религиоведческом, связанном с уважением свободы вероисповедания всех членов «здорового общества». Последние сегодня, в контексте норм действующей Конституции (1993), выступают как представители трёх типов общностей, характеризующих себя в ходе социологических опросов как «верующих», «неверующих» или «ищущих свою веру».

Дистанцирование «верующих» и «неверующих»

Само деление граждан на «верующих», «неверующих» («воинствующих безбожников», «атеистов») и «сомневающихся» активно разрабатывалось около 70 лет в СССР, где социальным идеалом была провозглашена «твёрдая и несомненная» принадлежность к научно-атеистическому «коммунистическому мировоззрению», от которого отличались «верующие», порой характеризующиеся как «стойкие фанатики мракобесия» и т.н. «колеблющиеся» («нестойкие в выборе между верой и атеизмом») [Аринин, 2017, 47–49]. Этим разграничениям предшествовало более 1000 лет нормативной принадлежности к тому, что в текстах именовалось «вѣрой», восходящей к известному летописному преданию об «испытании вѣр» (896). В XVIII веке (1721, Духовный регламент), утвердилось деление сограждан на легально «верующих» как «верных» и «твёрдых в вѣре» последователей нескольких разрешённых в империи вероисповеданий, особенно господствующей «Всероссийской церкви», которым противопоставлялись ряд категорий «неверующих», т.е. тех, кто «испускает воню безбожия» («аестов», «злоучителей» и т.п.), включая «чародеев», которых вплоть до закона 1770 года следовало обнаружить и, обличив, предать огню. В конце этого столетия их стали квалифицировать как «обманщиков» (шарлатанов) [Михайлова, 2002, 178–179].

В ходе нашего анкетирования студенты сами принимали решение по поводу своей принадлежности к категориям «верующий» или «неверующий» и степени уверенности в своей идентичности («верующий», «скорее верующий, чем неверующий», «скорее неверующий, чем верующий», «неверующий» и «ищущий свою веру»). Для эксперта такие самоописания могут выступать как проявления т.н. «вернакулярного» («народного», «живого», «непрофессионального») понимания соотношения «веры» и «неверия» («религии» и «атеизма»), которые отличаются сегодня как от «советского», так и от «вѣроисповедального» периодов его нормативного понимания [Маркова, Лютаева, 2022, 125–137].

В этой связи наш анализ будет наплавлен на прояснение различий в семантике сравнительно нового для русского языка и академической литературы термина «вернакуляр» и его производных, получивших распространение в текстах массовой, медицинских, религиоведческих и философских изданиях только в XXI веке, где так или иначе описывается то, как в различных культурах понимаются норма и патология в отношениях человека и природы, как маркируются причины девиаций и какие предлагаются способы их нормализации, т.е. путей достижения «комплаенса» в обществе. Фактическое отсутствие термина «вернакулярная медицина» в текстах соседствует с единичными публикациями о «вернакулярных теориях болезней» и миллионами текстов о «народной медицине» (3 000 000 в Яндекс). Последний термин, согласно Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ), встречается почти в 100 текстах этой базы данных начиная с 1851 года, приобретая целый спектр значений от предельно возвышенного упоминания про медика «замѣчательнаго по роду своихъ занятій,..., напавшаго на мысль плодотворную, богатую результатами и разнообразіемъ, а именно на практическое, ревностное изученіе народной медицины» (НКРЯ, Дружинин, 1851), до максимально негативного: «бессвязный набор небылиц и выдумок <...>, унаследованных из <...> средневековой алхимии и астрологии» (НКРЯ, Бразоль, 1887). При этом, если «вернакулярные теории болезней» привлекают внимание прежде всего антропологов и фольклористов, то «народная медицина» интересна не только врачам, но и многим другим согражданам, являясь феноменом, включённым в программу «глобальной стратегии» Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) [Стратегия, 2014, 75]. Так, ещё в 2008 году участниками Конгресса ВОЗ по народной медицине была принята «Пекинская декларация», где отмечалось, что «термин “народная медицина” охватывает широкий спектр видов лечения и практических методов», при этом «знания народной медици-

ны, видов лечения и практики должны уважаться, сохраняться, пропагандироваться, широко распространяться и надлежащим образом основываться на обстоятельствах каждой страны» [Пекинская декларация, <https://ru-mo.ucoz.ru/publ/4-1-0-737>].

**Разграничение «народной знахальщины»
и «благочестивых» докторов**

Анализ материалов НКРЯ показывает, что с XVIII–XIX вв. в русском языке распространяются слова «знахарь» (445 текстов) – начиная с 1782 года (НКРЯ, Пословицы российские), «знахарка» (218 текстов) – начиная с 1839 года (НКРЯ, Г.Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский) и «знахарство» (88 текстов) – начиная с 1859 года (НКРЯ, С.В. Максимов. Из книги «Лесная глушь»), разграничивая городских лекарей (врачей) и деревенское «знахарство». Более информативен «Словарь русского языка XI–XVII вв.», показывающий, что эти лексемы фиксируются с 1498 года, включаясь в широкую категорию «знатец», т.е. человек, знающий дорогу, навыки лечения и т.п. [Словарь, 1979, 48–52]. Первый словарь православно-церковной тематики не фиксировал «знахарства», но описывал более привычные для общества той поры образы «волхвов» и «чародеев», также в нём отмечалось, что, согласно Библии, «у Персов волхвы были любомудрые и набожные люди», тогда как после было «сие имя взято в худую сторону и значит чародей, отравника, обаянника...» [Алексѣевъ, 1773, 47, 382].

Именно перечисленные слова входят в русский язык как нормативные обозначения чуждых «церковному братству» деятелей («волхв» с XI, а «чародей» с XV вв.) [Словарь, 1976, 12–13]. Словарь В. Даля фиксирует в статье «знать» лингвистические аспекты «знахальщины», отмечая ряд региональных, т.е. «вернакулярных», синонимов: «Знальщина, ж. об. новг. пск. твер. знатоки; знахари. Знахарь м. знахарка, знахурка, знахарица ж. знатоха, знаха об. знаток, знатель, знайка, сведущий в деле; лекарь самоучка, лекарка; | ворожея, колдун, волхв, заговорщик, шептунья, кто портит и правит людьми» [Толковый словарь, 1863, 618].

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» делалась попытка этнографического описания этих феноменов, отмечалось, что знахари и знахарки вступают как «знающие люди», т.е. «волхвы или ведуны (см.), которые преимущественно занимаются лечением. Они <...>, по народному преданию, не знают с нечистой силой, ходят в страхе Божиим и прибегают к помощи креста и молитвы. Иногда, впрочем, им приписывали способность “наводить” болезни, “напускать”», именно они «более других пользовались уважением народа и, при всеобщем гонении на волхвов, поощрялись даже самими московскими царями, напр. к собиранию трав», при этом вплоть «до конца XVIII в. они были главными лекарями почти всех слоёв русского общества» и «вера в них сохранилась во многих местах и поныне», а «число их значительно превышает число медиков» [Рудаков, 1894, 620–621]. Наряду с этим в уголовное законодательство с XIX в. вводится понятие «незаконное врачевание».

Сочувствие к «знающим людям из народа» и «лекарям самоучкам» сильно снизилось при советской власти, когда уже в первом издании «Большой советской энциклопедии» было отмечено, что знахарством называется «проведение “лечения” лицами, не имеющими научной медицинской подготовки, методами и средствами, не основанными на данных современной науки и рассчитанными на невежество, легковерие и суеверие» [Ландис, 1933, 86]. Начинают подчёркивать классовую природу этого феномена, замечая, что население «в силу дороговизны квалифицированной медицинской помощи и её трудной досягаемости обращается за суррогатом её – к знахарям, деятельности которых содействует, с одной стороны, санитарная безграмотность широких слоёв населения, с другой – громадная реклама, к-рая создаётся ей в капиталистических государствах. Дело в том, что наряду с знахарями-одиночками, являющимися и лекарями, и фабрикантами, и продавцами своих снадобий и приборов, 3. культивируется часто солидными предприятиями, которые наводняют рынок своими “спасительными” средствами, излечивающими чуть ли не все болезни; страницы печати заполняются широковещательными объявлениями, подтверждёнными оплаченными свидетельскими показаниями и заключениями крупных врачей. Из приёмов и методов, применяемых современными знахарями и

в капиталистических странах, наиболее распространёнными являются телепатия, магнетизм, костоправство; используются также гипноз, внушение и биохимические методы» [Ландис, 1933, 87–88].

Эти трактовки стали эксплицитной частью советского правового дискурса (УК 1926, глава 8) и вошли в несколько изданий «Медицинской энциклопедии», где утверждается, что знахарством называется «незаконное занятие врачеванием как профессией лицами, не имеющими надлежаще удостоверенного медицинского образования» [Знахарство, <http://www.med-edu.ru/medenc/article/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.html>]. В то же время не к «знающим людям», но к медицинским работникам могут применяться уголовные меры в результате «лавинообразного роста» в последние годы заявлений о «ненадлежащем оказании медицинской помощи» [Врачебные ошибки]. В интернете делались попытки, к примеру, как в конце 2021 года, создания специального «списка бабок, шаманов, знахарей по СНГ», при этом предлагалось не упоминать всех «кто был замечен и идентифицирован нами как однозначный шарлатан», т.е. предлагалось собрать «от очевидцев» текущую информацию [Домик, https://vk.com/topic-42523353_48016834]. В интернете распространены и утверждения некоторых представителей православного духовенства, что тех, кто обращается за услугами такого рода «знающих людей» можно охарактеризовать как «клиентов лукавого» [Авдюгин, <https://www.pravmir.ru/dlya-kogo-zakon-ne-pisan/>].

Двойственность отношения общества к «народному врачеванию» включает в себя юридическую ответственность за такие практики, поскольку «народная медицина» иногда может рассматриваться как часть «теневой/серой экономики», когда согражданам «обещают выздоровление с помощью веры, особых энергий, ресурсов природы, психологического настроя, физических упражнений и много другого», используя, возможно, т.н. «эффект плацебо», что «медики считают шарлатанством, а государство – правонарушением» [Крашенинникова, 2015, 99–122].

Следует отметить, что в России различие «народной» и научной медицины началось с XVIII века, когда в 1755 году был учреждён «медицинский» факультет Московского университета и началось эксплицитное противостояние «народному невежеству» со стороны образованных и «благочестивых» докторов, как об этом писал один из основоположников отечественной медицины, М.Я. Мудров, подчёркивавший важность не только знаний, но и «нравственных качеств врачей», которые он возводил к Гиппократу, осуществившему «соединение светов благочестия, разума и натуры» [Мудров, 1949, 172–173].

Гиппократ из рода Асклепиадов, ведущих свою родословную от одного из сыновей бога Асклепия, Полидария, который упоминался в гомеровском эпосе о Троянской войне как искусный врачеватель [Карпов, 1936, 13]. Его открытия создали новую для той эпохи традицию достижения комплаенса между наукой (точным знанием), религией (полисным благочестием, εὐσέβεια) и поисками удачных практик врачевания несколькими конкурирующими школами. Авторитет Гиппократа в области врачебного искусства (ἱητρικὴ τέχνη) отмечался его современниками, а для авторов эллинистического периода (Гален, Цельс) он уже стал легендарным «отцом медицины», «первым врачом» [Гален, https://iphras.ru/hpy_2011.htm]. После него врачебное искусство стало пониматься как особые практики на основе рациональной философской рефлексии, когда «должно, собравши всё сказанное в отдельности, перенести мудрость в медицину, а медицину в мудрость», при этом утверждалось, что «врач-философ равен богу (ἱητρός φιλόσοφος ἰσοθεός)» [Гиппократ, 1936, 111].

Врачевание как новая практика начинает рассматриваться в контексте принадлежности к определённой традиции сообщества профессионалов, связанных клятвой (ὄρκος) и медицинским законом (νόμος ἱητρικός), за исключением ряда областей, к примеру, любовных отношений (ἄφροδίσια ἔργα) или рассмотрения предельно общих «философских» вопросов [Гиппократ, 1936, 87, 162]. Врач призван концентрироваться на изучении ближайших естественных причин возникновения болезней и способах их лечения. В трактате «О священной болезни» критикуется распространённое в то время представление о «божественности» такого впечатляющего своей необычностью феномена, как эпилепсия, что объясняется как не-

вежеством населения, так и обманом практикующих магов (μάγος), очистителей (καθαίτης) и бродяг-шарлатанов (ἀγύρτης), при этом сам подобный образ мысли, указывающий в качестве причины болезней (т.е. зла) деятельность богов, начинает оцениваться как «нечестие» (ἀσεβής, ἀνόσιος), тогда как благочестивым (εὐσεβής) является думать, что при воздействии на тело «со стороны бога (θεός) оно скорее очистится (καθαίρω) и освятится (ἀγνίζω), чем осквернится (μιαίνω)», поскольку «бог очищает и омывает величайшие и преступнейшие грехи (ἀμάρτημα) и является нам защитой» [Гиппократ, 1936, 497].

Эти идеи были созвучны мыслям современника Гиппократа Платона, который стал описывать новую для того времени модель феномена, именуемого «душой» («ψυχή»), которую мы обозначим как «модель Платона» («мП»). Душа, согласно этой модели, описывается как совокупность трёх сил – «разумной», «деятельной» и «увлекающейся» (λογιστικόν, θυμοειδές, ἐπιθυμητικόν), сочетание которых образует 9 типов характеров, включая «четвёртый», характерный для человека, «усердно занимающегося упражнением и врачеванием тела», и «пятый», носитель которого «будет вести жизнь прорицателя или человека, причастного к таинствам» (248 d) [Платон, 1993, 157]. Платон предложил и термин «теология», отделив поэтические сказания о богах, распространённые в народе, от рационального понимания «подлинной божественности», т.е. «религии философов», близкой и школе Гиппократа.

Заключение

В целом представляется очевидной необходимость с позиций философского религиоведения выявить сходство «моделей» Платона и Малиновского, дистанцирующих «рационально-познавательный», «этико-религиозный» и «интуитивно-эмоциональный» аспекты нашего отношения к миру на индивидуальном и коллективном уровнях. Это позволит определить перспективу корректного описания сочетания «народного», «церковного» и «медицинского» опытов, которые ещё далеки от достижения своего подлинного комплаенса, способного представить современное понимание «всеединства» (В.С. Соловьев) как органичного синтеза «мП» и «мМ». Они существенно различаются в субкультурах «верующих», «неверующих» и «ищущих себя» респондентов. Эти субкультуры не являются сегодня официальными институтами, как, к примеру, «Всероссийская церковь» (1721–1918) или «Союз воинствующих безбожников» (1925–1947), но представляют собой вернакулярные формы свободной самоидентификации сограждан, многообразие и самобытность которых защищены действующей Конституцией. Поиск путей синтеза философско-теологической «мП» и антропологической «мМ» требует выхода за рамки сложившихся культурных и социальных стереотипов, при этом без отрицания накопленного позитивного опыта, но с выявлением конструктивных аспектов сочетания наших «разумной», «деятельной» и «увлекающейся» способностей с «наукой-религией-магией» в отношениях к миру ради сохранения и укрепления физического, душевного и социального здоровья наших сограждан.

Библиографический список

1. 1908 год. 19 ноября Лев Толстой вводит в оборот термин «религиоведение» [Электронный ресурс]. – URL: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/452087/> (дата обращения 10.01.2022).
2. Алексѣевъ, П.А. Церковный словарь, или Истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожь иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ / П.А. Алексѣевъ. – М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1773.
3. Аринин, Е.И. Верующий / Е.И. Аринин // Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М.Ю. Смирнова. – СПб: Платоновское философское общество, 2017. – С. 47.
4. Гален. О том, что наилучший врач есть также философ [Электронный ресурс] / Гален. – URL: https://iphras.ru/hpy_2011.htm (дата обращения 15.01.2022).
5. Гальченко, А.В. Сравнительная оценка питания женщин, соблюдающих и не соблюдающих православный Великий пост / А.В. Гальченко, А.А. Шерстнева, И.А. Лапик [и др.] // Экология человека. – 2021. – № 3. – С. 15–24.

6. Гармаев, Ю.П. О формировании антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации / Ю.П. Гармаев, Э.А. Иванов, С.А. Маркунцов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 106–128.
7. Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. В.И. Руднева. – М.: Государственное издание биологической и медицинской литературы, 1936.
8. Дворецкий, И.Х. Древнегреческо-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1958. – Т.1. – 1915 с.
9. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1088 с.
10. Домик Сибирского Знахаря [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/topic-42523353_48016834 (дата обращения 15.03.2022).
11. Знахарство [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.med-edu.ru/medenc/article/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.html> (дата обращения 20.02.2022).
12. Кандрычын, С. Медицина и знахарство: институциональный конфликт или взаимодействие? / С. Кандрычын // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2012. – №1.
13. Карпов, В.П. Гиппократ и Гиппократов сборник / В.П. Карпов // Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. В.И. Руднева. – М.: Государственное издание биологической и медицинской литературы. 1936. – С. 9–81.
14. Кирилл Митрополит Смоленский и Калининградский. К экологии духа [Электронный ресурс]. – URL: http://krotov.info/libr_min/26_ac/koteol/eco_020.html (дата обращения 20.02.2022).
15. Крашенинникова, Ю.А. «Неформальное здравоохранение» в современной России и факторы его развития (по материалам пилотного исследования) / Ю.А. Крашенинникова // Мир России. – 2015. – № 4. – С. 99–122.
16. Ландис, М.М. Знахарство / М.М. Ландис // Большая советская энциклопедия. – М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия», 1933. – Т. 27. – С. 86.
17. Лихачев, Д.С. Экология культуры [Электронный ресурс] / Д.С. Лихачев // Памятники Отечества. – 1980. – № 2. – URL: <https://studfile.net/preview/8993754/> (дата обращения 14.05.2021).
18. Ложкина, Л.И. Комплаенс как актуальная проблема медицинской психологии: теоретико-методологические аспекты [Электронный ресурс] / Л.И. Ложкина // Известия Саратовского университета (Серия Философия. Психология. Педагогика). – 2015. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komplaens-kak-aktualnaya-problema-meditsinskoj-psihologii-teoretiko-metodologicheskie-aspekty/viewer> (дата обращения 14.05.2021).
19. Маркова, Н.М. Народная религия как феномен межкультурной коммуникации: концептуализация понятия «родного» / «вернакулярного» / Н.М. Маркова, М.С., Лютаева // Концепт: философия, религия, культура. – 2022. – Т. 6. – № 1. – С. 125–137.
20. Михайлова, Т.В. Русское законодательство в отношении колдовства: правовая база русских колдовских процессов второй половины XVIII века и ее специфика / Т.В. Михайлова // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. – Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002. – Вып. 2. – С. 170–193.
21. Мудров, М.Я. Слово о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача / М.Я. Мудров // Деятели отечественной медицины. Избранные произведения. – М., 1949. – С. 60–83.
22. Пекинская декларация. 2008 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru-mo.ucoz.ru/publ/4-1-0-737> (дата обращения 18.11.2021).
23. Петросян, Д.И. Религиозность и поддержание здоровья в представлениях современной студенческой молодежи / Д.И. Петросян, О.Н. Шадрин // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12. – № 5. – С. 85–90.
24. Платон. Федр / Платон // Сочинения. – М.: Мысль, 1993. – Т.2. – С. 85–87.
25. Протоиерей Александр Авдюгин. Маги, целители, экстрасенсы – вредят ли они людям? [Электронный ресурс] / Протоиерей Александр Авдюгин. – URL: <https://www.pravmir.ru/dlya-kogo-zakon-ne-pisan/> (дата обращения 15.02.2022).
26. Рудаков, В.Е. Знахари и знахарки / В.Е. Рудаков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том ХПА (24). Земпер – Имидокислоты. – СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1894. – С. 620–621.
27. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. – М.: Наука, 1976. – 288 с.
28. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. – М.: Наука, 1979.
29. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. – М.: Наука, 1981.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. – М.: Наука, 1982.
31. Стратегия ВОЗ в области народной медицины, 2014–2023. – Женева, 2014. – 72 с.

32. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. – 4 т. – М.: Типография А. Семена, 1863.
33. Шантепи-де-ля Соссей, П.Д. Иллюстрированная история религий. – П.Д. Шантепи-де-ля Соссей. – Т. 1. – М.: Книжное дело, 1899.
34. Luhmann, N. *Theory of Society* / N. Luhmann. – Stanford, California, 2013. – Vol. 2.

Текст поступил в редакцию 12.04.2023.

Принят к печати 19.06.2023.

Опубликован 28.09.2023.

References

1. 1908 god. 19 noyabrya Lev Tolstoj vvodit v oborot termin "religiovedenie" [November 19, 1908. Leo Tolstoy introduces the term "religious studies"]. Available at: <https://runivers.ru/philosophy/chronograph/452087/> (in Russian).
2. Alekseev P.A. *Cerkovnyj slovar', ili Istolkovanie rechenij slavenskih drevnih, takozh inoyazychnyh, bez perevoda polozhennyh v Svyashchennom Pisanii i drugih cerkovnyh knigah* [The Church dictionary, or the interpretation of the speeches of the Slavonic ancient, so-called foreign languages, without translation of the Sacred Writings and other church books]. Moscow: Pech. pri Imp. Mosk. un-te, 1773 (in Russian).
3. Arinin E.I. *Enciklopedicheskij slovar' sociologii religii* [Encyclopedic Dictionary of the Sociology of Religion]. Ed. M.Yu. Smirnov. St. Petersburg: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, 2017 (in Russian).
4. Chantepi de la Saussaye P.D. *Illyustrirovannaya istoriya religij* [Illustrated History of Religions]. Vol. 1. Moscow: Knizhnoe delo Publ., 1899 (in Russian).
5. *Domik Sibirskogo Znaharya* [The House of the Siberian Medicine Man]. Available at: https://vk.com/topic-42523353_48016834 (in Russian).
6. Dvoreckij I.H. *Drevnegrechesko-russkij slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958 (in Russian).
7. Dvoreckij I.H. *Latinsko-russkij slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkij yazyk, 1976 (in Russian).
8. Gal'chenko A.V., Sherstneva A.A., Lapik I.A., Kulesh V.I., Suhno E.O., Zarov A.Yu., Revyakina V.A. *Ekologiya cheloveka* [Human ecology]. 2021, no. 3 (in Russian).
9. Galen. *O tom, chto nailuchshij vrach est' takzhe filosof* [The best doctor is also a philosopher]. Available at: https://iphras.ru/hpy_2011.htm (in Russian).
10. Garmayev Yu.P., Ivanov E.A., Markuncov S.A. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2020, no. 4 (in Russian).
11. Hippocrates. *Izbrannye knigi* [Selected books]. Transl. by V.I. Rudnev. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie biologicheskoy i medicinskoj literatury, 1936 (in Russian).
12. Kandrychyn S. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: Theory, Methods, Marketing]. 2012, no. 1 (in Russian).
13. Karpov V.P. *Gippokrat. Izbrannye knigi* [Hippocrates. Selected books]. Transl. by V.I. Rudnev. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie biologicheskoy i medicinskoj literatury, 1936 (in Russian).
14. Kirill, Mitropolit Smolenskij i Kaliningradskij. *K ekologii duha* [To the ecology of the spirit]. Available at: http://krotov.info/libr_min/26_ae/koteol/eco_020.html (in Russian).
15. Krashennnikova Yu.A. *Mir Rossii* [The World of Russia]. 2015, no. 4 (in Russian).
16. Landis M.M. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 27. Moscow: Gosudarstvennoe slovarno-enciklopedicheskoe izdatel'stvo "Sovetskaya enciklopediya", 1933 (in Russian).
17. Lihachev D.S. *Pamyatniki Otechestva* [Monuments of the Fatherland]. 1980, no. 2 (in Russian).
18. Lozhkina L.I. *Izvestiya Saratovskogo universiteta (Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika)* [News of Saratov University (Philosophy. Psychology. Pedagogy Series)]. 2015, no. 3 (in Russian).
19. Luhmann N. *Theory of Society*. Volume 2. Stanford, California, 2013.
20. Markova N.M., Lyutaeva M.S. *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. 2022, vol. 6, no. 1 (in Russian).
21. Mihajlova T.V. *Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika: sb. st.* [Anthropology. Folklore Studies. Linguistics: collection of papers]. St. Petersburg, 2002, pp. 170–193 (in Russian).
22. Mudrov M.Ya. *Deyateli otechestvennoj mediciny. Izbrannye proizvedeniya* [Figures of Russian medicine. Selected works]. Moscow, 1949 (in Russian).
23. Pekinskaya deklaraciya [Beijing Declaration]. 2008. Available at: <https://ru-mo.ucoz.ru/publ/4-1-0-737> (in Russian).
24. Petrosyan D.I., Shadrina O.N. *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences]. 2022, vol. 12, no. 5 (in Russian).
25. Plato. *Sochineniya* [Writings]. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1993 (in Russian).
26. Protoierej Aleksandr Avdyugin. *Magi, celiteli, ekstrasensy – vredyat li oni lyudyam?* [Magicians, healers, psychics — do they harm people?]. Available at: <https://www.pravmir.ru/dlya-kogo-zakon-nepisan/> (in Russian).

27. Rudakov V.E. *Enciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: Tom XIIA (24). Zemper – Imidokisloty* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: Volume XII (24). Semper – Imidoacids]. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 1894 (in Russian).
28. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian).
29. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 6. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian).
30. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 8. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian).
31. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian).
32. *Strategiya VOZ v oblasti narodnoj mediciny, 2014–2023* [WHO Strategy in the field of traditional medicine]. Geneva, 2014 (in Russian).
33. *Tolkovyj slovar' zhivago velikorusskago yazyka Vladimira Dalja. Chast' pervaya* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dal. Part one]. Moscow: Tipografiya A. Semena, 1863 (in Russian).
34. *Znaharstvo* [Folk medicine]. Available at: <http://www.med-edu.ru/medenc/article/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.html> (in Russian).

Submitted for publication: April 12, 2023.

Accepted for publication: June 19, 2023.

Published: September 28, 2023.